

Николай Добролюбов

Постороннее влияние...

Сочинение Г.

В. Кугушева

Николай Александрович Добролюбов

Постороннее влияние... Сочинение Г. В. Кугушева

Поводом для рецензии-памфлета Добролюбова стал претенциозный роман драматурга и беллетриста князя Г. В. Кугушева. Его имя уже было в литературных кругах предметом иронических оценок и разговоров. Рецензия Добролюбова бьет по салонной, дворянской литературе, в которую критик включает и авторов в свое время известных «светских» повестей В. Ф. Одоевского, В. А. Соллогуба, Е. П. Ростопчину. Добролюбов верно определяет общие черты современной ему салонной беллетристики: отсутствие жизненного конфликта, пустая сентиментальность, «красноречивые выражения», надуманные ситуации. Имя Кугушева станет для Добролюбова нарицательным, примером пустословия

Содержание

#1	0005
Примечания	0020

**Николай Александрович
Добролюбов
Постороннее влияние...
Сочинение Г. В. Кугушева**

*Роман в четырех частях с эпилогом.
Сочинение князя Г. В. Кугушева, автора
«Корнета Отлетаева». Москва, 1859*

Ярко блистала звезда таланта князя Кутушева; тысячи читателей «Русского вестника» жадно впивались в его повести и оставляли темные пятна на белых страницах журнала. «Корнет Отлетаев» гремел в трех книжках[1], а в двух других чопорно сидела блестящая «Пыль»[2], пыль только по названию, в сущности же, более грязь, нежели пыль... Нет в современных повестях прежнего энергичского, удалого, молодецкого воздымания праха летучего; в писателях-аристократах нет умения ловко пускать пыль в глаза, а если и есть что-то похожее, так это все натянуто, рассчитано, куплено ценою золота. Рубли убили все, даже самую поэзию; за них писатель продает и повесть, и роман, и комедию, и даже лирическое стихотворение...

Вы удивлены, что «Современник» пишет как будто не своим слогом, – и вы правы. Действительно, это не наш слог; но иначе теперь писать нельзя. Это – великосветский слог, который несколько лет был заброшен в литературе, замаравшей себя мужицким направлением, но теперь опять восстанавливается во всей красоте своей. Так писывал во время оно

князь Одоевский; так писали позже его граф Соллогуб и графиня Евдокия Ростопчина. Гр. Данилевский[3] и граф Ржевусский[4] тоже пишут таким слогом. Тем же самым слогом пишет и князь Г. В. Кугушев, под влиянием которого и написаны нами первые строки нашей рецензии. Мы даже боимся, что влияние это отразилось на нас слишком сильно и что нас могут заподозрить в простом заимствовании из князя Кугушева. Чтобы не вышло такого греха, мы представляем подлинную выписку, увлекшую нас так внезапно на поприще изящного слога.

Ярко блистала зала благородного собрания; тысячи огней отражались светлыми пятнами в белом мраморе колонн; оркестр гремел с одной эстрады, на другой чопорно сидела пестрая цыганская семья, цыганская только по названию, но давно обрусевшая и только пародирующая непередаваемую удаль дикого племени. Нет в современных хорах первобытной их энергии, удальства, молодечества, в женщинах-певицах нет ни огня, ни увлечения, ни восторга, а если и есть мгно-

венные вспышки чего-то похожего на вдохновение, то эти минуты натянуты, неестественны, куплены ценою золота. Рубли убили все, даже самую природу; за них цыганка продает и честь, и совесть, и убеждения (увы!), даже самую любовь к своему собрату. Ее голос не отклик души – приманка; пляска не влечение, не страсть – обязанность, цель, средство (непонятно, но сильно!). Где же вдохновение, где же поэзия? Они поют, а толпа движется туда, сюда, шум, визг, бряцанье сабель, звяканье шпор, шелест женских ножек по паркету – все это вместе походит на отдаленный грохот медленно падающего с уступа на уступ водопада. Жар в зале такой, что кажется, будто тонкое облако пара стоит над ликующей толпой и как дымкой застилает бесчисленные огни громадных люстр. Лень обдает каждого своим снотворным обаянием; пары, соединенные случаем, любовью, ревностью, шалостью, всем на свете, наконец, двигаются медленнее, говорят отрывистее; всякое чувство, кажется, становится мягче, снисходительнее; только платки и ве-

ера постоянным движением освежают на мгновение под ревнивым картоном душной шелковой маски раскрасневшиеся щеки красавиц. Время проходит незаметно. Вот и полночь. Волынкин стоит, прислонившись к колонне, направо от одной из эстрад, весьма равнодушным взглядом встречая и провожая мелькающих мимо его масок (ч. IV, стр. 5, 6 и 7).

Таким прекрасным слогом написан весь роман. Но кто же этот Волынкин, который «стоит, прислонившись к колонне, направо от одной из эстрад»? Ах, боже мой, да кто же может стоять, прислонившись к колонне, и пр., как не сам герой романа? Это он самый и есть. Видите ли, в чем дело.

Ярко горел карсель в гостиной Степаниды Львовны под большим цветочным абажуром, освещая только, впрочем, середину комнаты и оставляя в тени ее окраины (ч. I, стр. 88)[5].

У этой самой «Степаниды Львовны под большим цветочным абажуром» есть дочь Вера, «девушка высокого роста, с удивительной

талией, имеющая блестящие черные глаза, *осененные* длинными ресницами». Эта «девушка с осененными глазами» имеет подругу, Настеньку Дебелину, у которой «темно-русые волосы, густо взбитые на висках и тщательно причесанные, оттеняют еще более прозрачную белизну кожи». Глаза у «девушки с осененною еще более белизною кожи» – не блестящи, но зато у ней есть «два ряда блестящих и ровных зубов», вследствие чего эта девушка в продолжение романа и оказывается действительно очень зубастою. Она живет с матерью и вертит ею как хочет, точно так же как и своей подругой Верой. Приехавши в Москву, она вздумала выйти непременно за Петю Волынкина, «молодого человека лет тридцати, с коротко остриженными волосами, пробранными сзади и несколько выпукло закрывающими виски». Для этого она знакомится с ним через своего кузена Сермягина, «молодого человека, белокурого и завитого, одетого по последней моде», Волынкин сначала ухаживает за Настенькой, но потом с ним происходит странный случай. На вечере у Дебелиных Вера Струйская начинает петь, и Во-

Волынкин начинает петь. И вдруг он припомнил, что уже слышал этот голос: год тому назад он жил в Петербурге у своего дяди, и только через стенку от него жила певица, с которой он и перекликался, не выдав ее, впрочем, ни разу... Она, в свою очередь, тоже вспомнила его голос и по окончании его пения сказала: «Так это были вы?» Но он ей ничего не ответил, ибо ее фамилия была – Струйская, а фамилия тетки, с которой она жила в Петербурге, рядом с Волынкиным, была – Ступицына. Обстоятельство это совершенно сбило с толку Волынкина, и он поклялся во что бы то ни стало добыть разгадку такой непостижимой тайны... Между тем он увидел, что Настенька зла и бездушна, и влюбился в Веру, а она в него. Видя это, Настенька принялась делать им разные пакости. Но ничего не помогало – Волынкин и Вера только возненавидели ее, и, по соображениям Настеньки, дело между ними уже близко было к сватовству. Тогда она отправилась к Вере и разыграла перед ней сцену с обмороком, в которой объявила, что любит Волынкина, что Вера его у нее отбила и вследствие того она пойдет в монастырь. Вера

решается на самопожертвование для своей подруги и рассказывает об этом Силе Савичу, старику приживальщику в их доме. Расчувствовавшись, эта достойная девица говорит превосходным слогом – не хуже самого князя Кугушева или Гр. Даниловского. Тут же упоминает она о певце, слышанном ею за стеной, – в следующих красноречивых выражениях:

Не знаю, что со мной было, – устала ли я очень, душа ли моя была так настроена, только каждая незнакомая нота незнакомого голоса неизвестного певца глубоко и больно проникала в мое сердце. Оттого-то оно и билось так... Казалось, каждая нота говорила ему: «Сердце, ты молодо, ты неопытно, ты хочешь любви. За чем же дело стало? Люби меня – я молод, я обдам тебя моим обаянием, прожгу тебя насквозь, пропитаю моим очарованием, возвышу, облагорожу. Слушай же меня, сердце, и люби меня». И точно, Сила Савич, сердце мое, поддаваясь очарованию, знакомилось со всем тем, что в известное время должно, мне кажется, жить в нем. Ах, этот непроше-

ный гость! Вы понимаете, кто он? Любовь, Сила Савич. Я не ждала этого гостя, он сам явился, таинственно из-за стены. Пришел и остался без церемонии. Ах, что за звучный, молодой и свежий голос был у моего незнакомого соседа! А мысль-то между тем, а воображение работали: шорох, звуки принимали форму; мне казалось – сейчас развалится стена и к ногам моим упадет юноша. Однако ж скоро все стихло, тишина такая сделалась, только сердце мое не умолкло... нет... Какую ночь я провела, если бы вы знали, Сила Савич!

Вслед за рассказом Веры является Волынкин и начинает ту же историю: у меня, говорит, был приятель, с которым случилось то и то... Затем объясняет: «Этот приятель, говорит, был я сам; а певица – были вы». Но Вера, верная своей решимости принести себя в жертву, говорит: «Нет, это была не я», – и уходит. Волынкин в отчаянии. «Как же, однако, Вера сказала мне в тот вечер: «Так это были вы?» – думает он. – Что же это такое... Мое положение ужасно! Или я брежу, или я с ума со-

шел? Ведь не сон же все это? Это не она была, это ясно. Отчего же голос тот же? Сердце то же говорит, что тогда?» и пр. Сила Савич поспешает на помощь и на трех страницах успевает наконец вразумить бестолкового «молодого человека лет тридцати». Все объясняется ненужным (ибо она не отбивала Волынкина у Настеньки, а знала его еще раньше, по голосу через стенку), и свадьба решена. В предотвращение всяких неприятностей и недоразумений в будущем, Волынкин дарит Вере молитвенник с такою пышною речью:

С этим идите смело за мною. Здесь вы найдете ответ на всякий вопрос, который задаст вам жизнь или вы предложите жизни. Здесь вы найдете отраду, если горе вас постигнет; здесь же почерпнете утешение, если когда-нибудь во мне ошибетесь. Я хотел, чтоб религия была основанием нашего союза. По этому молитвеннику молитесь за меня при жизни, по нем же молитесь, молитесь, и после, когда...

Несмотря, однако же, на восторженность

Волынкина и Веры, счастье их оказывается непрочно. Настенька приискивает новые средства расстроить свадьбу. У Волынкина есть танцовщица Варенька, девушка, у которой «верхнюю губку покрывает легкий, едва заметный намек на что-то такое, напоминающее ус». У этой девушки с легким намеком на что-то такое, напоминающее ус, есть сын от Волынкина. Волынкин хочет обеспечить ее и сына, давши им десять тысяч рублей, но исполнением своего намерения медлит. А между тем за Вареньку хлопочет Анна Антоновна, покровительница всех хорошеньких содержанок. Разузнав всю историю Волынкина, Анна Антоновна посылает к Настеньке Дебелиной одну из записок Волынкина к Вареньке. Настенька отправляется с запискою в маскарад (чудное описание которого привели мы выше) и там показывает записку Волынкину и говорит, что могла бы расстроить его свадьбу этим документом, но не хочет делать ему неприятностей, потому что сама страстно любит его. Волынкин и в этом свидании оказался так глуп, что на пяти страницах, несмотря на все старания Настеньки открыть

ему себя в разговоре, никак не мог догадаться, кто она, пока она не сняла маску. Но после свидания с нею он поглупел еще более, если это возможно. Он начал скрытничать с Верой и, вообразив, что Настенька его ангел-хранитель, начал ее восхвалять пред Верой; а Настенька на другой день показала записку Вере, и Вера пришла в отчаяние. Не веря, что это точно писал Волынкин, она просит его написать ей что-нибудь в альбом; он пишет, и по сличению рук оказывается, что записка точно писана им. Вера в ужасе; но Сила Савич ее успокоивает, говоря, что это ничего не значит, что подобные амуретки у всякого бывают, и пр. Вера поверила, но через несколько дней явилась к ней сама Варенька, не дождавшаяся поверенного, который должен был принести ей деньги от Волынкина, и подумавшая, что он обманул ее. Произошла сцена, после которой Волынкину было отказано. Через год потом он женился на Настеньке, а Варенька завела другого обожателя.

Таково содержание красноречивого романа князя Г. В. Кугушева. Разумеется, мы тут еще пропустили многое, как, например, сер-

дечную драму княгини Рогожской и Сермягина, который, добившись свидания у себя в квартире с этой аристократкой, встречает ее «в пестрейшем шелковом халате и греческой феске», вооруженный притом предлинным чубуком розового дерева, «вероятно, с целью окончательно уподобиться султану», по остроумному соображению автора. Пропустили мы и много превосходных описаний и рассуждений самого автора, совершенно выкупающих глупость героя романа. Например, Волынкин, возвратившись из-за границы, стоит с матерью над могилой отца и плачет о нем, но в то же время улыбается от радости, что свиделся с матерью, – дело очень обыкновенное. Но автор, желая возвысить его плач, рассуждает, уже сам от себя, следующим образом:

Провидение, казалось, стояло в эту минуту между ними и, указывая на свежий дерн, говорило: не радуйтесь, мне угодно разлучить и вас, разлучить навеки, это необходимо: вы любите друг друга, вы не верите в возможность разлуки, пускай же один из вас

смирится, пусть изведает милосердие божие, посылающее ему свой тяжелейший крест, пусть носит он его безропотно, пусть молится и плачет: блажени плачущие... И действительно, чрез год Волынкин лишился матери, лишился внезапно. Так часто гром, ударяя с неба, одним ударом крушит молодое, стройное дерево, и оно, опаленное, клонит долу свою вершину, но корень жив еще, вершина засыхает, снизу идут новые отпрыски, жизненные силы вытягивают их, они мужают и снова ждут грозы и молнии. Волынкин был в отчаянии, сознавая вполне свое одиночество. Но, несчастный, оплакивая мать, не плакал ли он о себе? Неужели, в самом деле, самое искреннее проявление грусти, самые заветнейшие горчайшие слезы не что иное, как проявление эгоизма? Если это так – это ужасно! Ужасно потому, что вряд ли есть человек, достаточно религиозный, который, испытав жесточайшую из утрат, сознавая весь ужас своего положения, не позволил бы себе произнести ни одной жалобы, пролить ни единой слезы и только с твердым упова-

нием, с несокрушимой верою сказал бы: «Господи, благодарю тебя».

Какое перо! Нельзя не восхищаться им, особенно если принять во внимание, что этим самым пером написаны «Корнет Отлетаев» и «Пыль», производившие такой фурор между читателями «Русского вестника». Решительно – для нас князь Кугушев должен сделаться тем, чем для отцов наших был граф Соллогуб и Н. Ф. Павлов как беллетрист. Можно даже сказать более: князь Кугушев для нас должен быть тем, чем были для наших дедов Рафаил Михайлович Зотов, Михаил Иванович Воскресенский и Константин Петрович Масальский[6]. Пусть только не унывает, упражняется и совершенствуется. В «Постороннем влиянии» уже заметен прогресс сравнительно с прежними его повестями: тут уже не две и не три, а четыре части; издание романа уже не грамотно и опрятно (как было в «Русском вестнике»), а небрежно и серо; оно принадлежит уже не почтенному журналу, а просто книгопродавцу Салаеву. Пройдет еще два-три года, и князь Кугушев может быть издаваем уже Манухиным, Поляковым или да-

же удостоится чести быть изданным на иждивение г. Лисенкова[7], издателя сочинений г. Булгарина. Тогда князь Кугушев попадет, без сомнения, в число популярнейших не только московских, но и всероссийских сочинителей.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 7, отд. II, с. 91–97, без подписи.

Поводом для рецензии-памфлета Добролюбова стал претенциозный роман драматурга и беллетриста князя Г. В. Кугушева. Его имя уже было в литературных кругах предметом иронических оценок и разговоров. Е. Я. Колбасин, сообщая И. С. Тургеневу литературные новости, писал ему о титулованных авторах «Русского вестника» 29 сентября 1856 г.: «Кроме князя Кугушева «Вестник» вывел на позорище другого беллетриста – тоже князя и тоже зело скорбного головою» (Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М. – Л., Academia, 1930, с. 273). Новое сочинение Кугушева также вызвало ряд отрицательных отзывов: *ОЗ*, 1859, № 7 (автор – Т. Л.), *БДЧ*, 1859, № 9 (П. И. Вейнберг), *РСЛ*, 1859, № 10. Рецензия Добролюбова бьет по салонной, дворянской литературе, в которую

критик включает и авторов в свое время известных «светских» повестей В. Ф. Одоевского, В. А. Соллогуба (см. статью 1857 г. «Сочинения графа В. А. Соллогуба» – I, 520–543), Е. П. Ростопчину (см. рецензию 1857 г. на ее роман в письмах «У пристани» – II, 70–87). Добролюбов верно определяет общие черты современной ему салонной беллетристики: отсутствие жизненного конфликта, пустая сентиментальность, «красноречивые выражения», надуманные ситуации. Имя Кутушева станет для Добролюбова нарицательным, примером пустословия (см.: VII, 384). В статье «Забитые люди» (наст. изд., т. 3) он будет назван среди литераторов, не имеющих *«своих слов»*, *«своего глаза»*.

В оценке писаний Кутушева и похожих на него беллетристов с Добролюбовым был солидарен и Д. И. Писарев (статья «Схоластика XIX века»).

Комментарии

PB, 1856, май, кн. 2, июнь, кн. 1 и 2.

[^^^]

РВ, 1856, август, кн. 2, сентябрь, кн. 1.

[^^^]

Имя Григория Данилевского сокращено Добролюбовым для сходства с письменным обозначением графского титула. Г. П. Данилевский в разные годы сотрудничал в «Современнике» при поддержке Некрасова. «Сегодня ко мне обратился Некрасов с просьбой дать в «Современник» «Основьяненка» и побывать у него, – писал Данилевский А. А. Краевскому 21 сентября 1855 г. – Я давно махнул на сплетни Панаева, три года назад бросившие на меня тысячи зол и огорчений, и несмотря на то, что более трех лет не знал, где обитает редакция «Современника», я по их зову соглашаюсь снова начать с ними знакомство и переступить порог Некрасова» (Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 391, ед. хр. 320). В 1859 г. в «Современнике» (№ 4 и 10) под псевдонимом «А. Скавронский» Данилевский опубликовал рассказы «Село Сорокопановка», «Пенсильванцы и каролинцы» (см.: Свиясов Е. В. Г. П. Данилевский и литературная полемика начала 1860-х годов. – Русская литерату-

pa, 1981, № 4).

[^^^]

Г. Ржвеусский – польский писатель и публицист, живший в Петербурге, сторонник католицизма и польской шляхты.

[^^^]

Цитата из ч. II, с. 88.

[^^^]

Добролюбов называет имена писателей, активно выступавших еще в 30-е и 40-е гг. и занимавших охранительную позицию. Рецензию на сочинения М. М. Воскресенского см. в наст. изд., т. 1.

[^^^]

Называются имена издателей, печатавших преимущественно низкопробные произведения.

[^^^]